

Глава 11

Местное кладбище мы нашли почти сразу. Просто шли в том же направлении, что и ночная процессия. Сначала богатый двор с детской площадкой, затем пустыри и маленькое сельское кладбище, лишь одним краешком вылезавшее из поросшей над ним рощи. Ни свежих следов, ни новых могил, да и вообще ни одной даты позже 2001 года я не нашел.

У меня продолжалось ощущение участия в каком-то плохо придуманном квесте. Или в компьютерной игре, где, с какой стороны ни подступишь, только загадки и вопросы без ответов и пояснений. Ничего не совпадало. Почему город не выглядит совсем уж заброшенным, хотя людей в нем нет? Почему жители его покинули и, черт возьми, что за парад мы вчера видели и куда делись его участники? Ну ладно, куда делись — это не самый сложный вопрос. Допустим, просто сели на лодки и свалили в туман. Но откуда они вышли? Из церкви? А там они вчера весь день тихонько сидели, пока мы гуляли по городу? Звучит глупее,

чем любимые создателями компьютерных игр «скелеты из ящиков». Сидеть много лет, чтобы напугать своим появлением залетного приключенца? А если он не придет? И что тогда, вся скелетская жизнь пошла прахом? Так и тут: откуда они знали, что мы придем и спрячемся на колокольне? Сплошные вопросы.

Из большинства учебных заведений я выходил, не найдя настоящих друзей. Все, кто там мне попадался, становились лишь приятелями, но не более того. Вот и Колян с Максом, отличные приятели — встретиться, выпить, поболтать — и всё. Друзей я почему-то находил в других, казалось бы, не предназначенных для этого местах.

Точно так же получилось и с универом. Закончил учебу, тепло со всеми попрощался — и все. А уже как друзья мы встретились с Лехой Арбатским спустя лет семь, а то и десять после окончания. Вот тогда и стало понятно, что нам дико интересно пересекаться раз в месяц и болтать, обсуждая самые важные темы — политику, эмиграцию, жен, компьютерные игры, книги, фильмы. Да все, что нас окружало и интересовало.

Я, как сейчас, помню тот момент. Милое паназиятское кафе, изо всех сил косящее под демократичное японское заведение где-нибудь на задворках Токио. Отличный рамен и много-много пива. Вот тогда Леха и предложил этот сюжет. Вроде банальная история про попаданца в другую реальность, но не без изюминки.

Длинный и немного нескладный Леха как мог раскинулся на диванчике напротив меня, отпил еще пива и начал вещать. Назвать это простым «рассказывать» было нельзя, Леха именно что вещал.

— И вот наш герой попадает в странный туман прямо посреди своей обычной дороги в лыжную секцию. Наплевать, что лето — этот дурак ездит на лыжную секцию и гоняет там на этих ужасных и странных штуках. Роликах-мутантах.

Я не мог не вмешаться.

— Леха, это лыжероллеры.

Но Арбатского было уже не остановить.

— Плевать. Ролики-мутанты отлично описывают всю демоническую сущность этого изобретения. И вот наш герой заезжает в туман и попадает прямо в иную реальность.

— А там женщины-кошки в бронелифчиках.

— Да хоть женщины-белки и женщины-шиниллы! Опять-таки плевать. Мне гораздо важнее его возвращение. Он победил всех демонов, а самая красивая женщина-мышка дала ему все, что в таком случае ждут герои, а потом он — хоп! — и возвращается в наш мир. Обратно.

— Господи, Арбатский, мне кажется, ты только что придумал гениальнейшее изобретение — супертиповой сюжет для фэнтези о попаданцах. Все плохие писатели будут прославлять тебя в веках.

Но даже такому остро заточенному сарказму было не остановить Леху.

— Кир, ты дослушай до конца. Вот возвращается он обратно, и тут все и начинается. Он ходит на работу, спит с женой и даже смотрит очередной модный сериал. Но у него есть стопроцентное ощущение, что это не его мир. Вот совсем не его. Ну, то есть внешне все вроде так — и жена такая же, и дома те же самые, а он ходит, принохивается, присматривается, но все ему кажется, что это не его мир.

— А чей?

— Да наплевать. Просто не такой, как был. А он-то хочет в тот самый. А этот — вроде все то же самое, но не так.

— Как те елочные игрушки, что не радуют?

— Что-то вроде. Просто задумайся: а как мы определяем, что это именно наш мир? На что смотреть и куда бежать, если тебе такое кажется? Ведь начни только рассказывать — и прямой путь пусть не в дурку, но под постоянное наблюдение замечательных докторов со вкусными таблетками по утрам. И что делать?

Я неуверенно предположил:

— Искать свой мир?

— Но как? Ты думаешь, часто по пути в лыжную секцию перед тобой открывается портал в иной мир? Может, такое произойдет раз в жизни, даже если посещать эту секцию каждый день. Интересно другое: каким образом можно где-то для себя записать, что это именно нужный тебе мир, чтобы потом сверить при необходимости?

Я пожал плечами. Мы тогда еще недолго продолжали обсуждать прекрасную идею про «такой же, но не такой мир», а потом плавно перескочили на другую тему. И вот сейчас я снова вспомнил этот разговор. А где, если подумать, у мира расположен штрихкод или номер какой, чтобы убедиться, что он оригинальный и тебе не подсунули чей-то угнанный со сбитыми номерами или, того хуже, битый в тотал, впоследствии собранный из нескольких?..

Мы с Наташей сели в лодку и потихоньку поплыли вниз по течению. Еды не было, сети не было, только и оставалось что развлекать друг друга разговорами. Тогда

я и пересказал эту историю Наташе. Она слушала внимательно, а под конец нахмурилась.

— То есть ты считаешь, что мы сейчас в другой вселенной?

— Не знаю я, ну, скорее всего, да, мы где-то в другом мире, ну или в какой-то его версии. Я не знаю, как правильно сказать.

— И ты решил это только из-за книжек? Несколько детских книг — и ты с ходу: «Все, мама, я в другом мире»? Вы, мужчины, такие легковверные. Может, это эксперимент какой был или реально неизвестные тебе книги — ты что, все на свете читал? А ты сразу же «другой мир». Обычный, тот же самый.

— У тебя в том мире, который «тот же самый», тоже дороги исчезали и машины, и люди целыми процессиями пропадали? Я уже не говорю про то, что этого города вообще нет. Ну, вернее, не было еще несколько дней назад, я почти в этом уверен. А обертка от шоколадки? Тоже вроде мелочь, но все вместе складывается в удручающую картину.

Наташа задумалась. Наверняка в глубине души она гнала от себя все эти дурацкие, не укладывающиеся в нормальный мир вещи, а теперь я о них напомнил. Я обернулся и увидел, как она смахнула прядь волос с лица и начала кусать губы. Уверен, что ее за эту привычку в детстве ругали.

Я постарался сделать голос повыше, хотя было гораздо важнее попасть в «ту самую фразу»:

— Наташа, опять ты губы грызешь!

— Да мам... Тьфу, ну ты и дурак, Кирилл!

Она рассмеялась, а я подумал, что ради такой улыбки и смеха можно и еще более глупые шутки шутить.

— Хорошо. Пускай это другой мир. Ну ты его так назвал, что бы это ни было — другое время или другая реальность. Как мы собираемся возвращаться в наш мир?

Я мотнул головой, показывая, что, мол, вот, на лодке плывем.

— И как мы определим, что вернулись? Как мы поймем, что это нужный нам мир? И да — их ровно два или больше?

Наташа все спрашивала, а я не мог найти правильный ответ. Да черт с ним, с правильным, у меня никакого не было. Казалось, любишь фантастику, сюжеты о других мирах и параллельных вселенных уже от зубов отскакивают, книги можешь цитировать с любого места в карьер. И вот ты встречаешься первый раз в жизни с чем-то более или менее серьезным, никак не втискивающимся в рамки разумного, и стоишь, смотришь на это как баран на новые ворота.

И тут мне в голову пришла мысль, от которой я вообще поперхнулся. Я трижды обдумал, стоит ли ее произносить вслух, и решил, что не стоит. Точно не стоит.

Я вдохнул и вместо какой-нибудь глупой фразы о погоде внезапно выпалил:

— Представь, а если мы с тобой тоже из разных миров?

Наташа улыбнулась мне, сняла кеды и опустила ноги за борт, в теплую оредежскую воду. Затем она снова улыбнулась и, словно оценивая, произнесла:

— А почему бы и нет? И ты очень милый инопланетяничек.

— Ну, во-первых, я такой же землянин, как и ты, а во-вторых, самое интересное — реально ли найти различия между моим и твоим миром? Да, а за «милый» спасибо, сто лет меня так никто не называл.

Наташа опять рассмеялась. С тех пор как мы покинули Старый Плѣс, ее настроение неуклонно улучшалось.

— У нас президентом Путин, и уже очень давно.

— Ты не поверишь, у нас тоже. А слушают что в вашем мире?

Я задал этот вопрос и сразу понял, что не смог бы ответить на него нормально. Сам я был ретроградом, слушающим какие-то запредельно древние по меркам молодого поколения вещи.

— Да фигню всякую слушают. Кто Лободу и Коржа, кто «Каспийский груз» и «25/17».

— Знаешь, после этого ответа я почти готов поверить, что мы из разных миров. Слова какие-то незнакомые, хотя Лободу я вроде слышал.

Мы засмеялись. Я хотел задать следующий вопрос, но понял, что нет никаких шансов даже случайно попасть в нужные различия. Ну вот кто может вспомнить все детские книги или какие-нибудь передачи? А если отличия в основном не в нашей стране, как ты вообще о них узнаешь? Мы живем в маленькой оболочке собственного мира, только о нем знаем, только им и интересуемся. Мы самые эгоистичные существа во вселенной, и, собственно, только этим и живы.

В этот момент ожил мой телефон, лежавший в куче вещей на дне лодки и терпеливо, из последних процентов зарядки, ожидавший сети. Я снова мотнул головой, в руках весла, с ними не пожестикуюешь.

— Наташ, посмотри, что там пришло. Перескажи последние известия.

Наташа взяла телефон, бодро отрапортовала, что сети по-прежнему нет, а это эсэмэски свалились: одна о том,

что подходит срок оплаты по ипотеке, еще пара с пропущенными звонками — и дальше она замолчала. В груди стало пусто от какого-то очень нехорошего предчувствия.

— Наташ, что там? Наташ, не молчи.

Она так ничего и не сказала, лишь молча сунула мне телефон. Эсэмэски от мамы, кучей. Я начал читать и замер, не в силах листать их одну за другой. Казалось, лодка вместе со мной проваливается куда-то глубоко и целый мир не может меня на себе удержать. В эту секунду нас осталось только трое — привычный безжалостный мир, я и огромное, чудовищное горе, ударившее меня в грудь изо всех сил.

Самолет с моей семьей, возвращавшийся из Испании, рухнул на взлете прямо в аэропорту Аликанте. Триста двадцатый аэробус в секунды превратился в груды пепла. А я, находясь за тысячи километров от места катастрофы, мгновенно осиротел, раз и навсегда.

Наташа робко спросила:

— Кирилл, а может, ошибка какая? Ну вдруг? Или пошутил кто по-дурацки?

Я покачал головой. Во рту было сухо, и слова пришлось выталкивать откуда-то изнутри. Непривычно. Больно.

— Нет. У папы в Пулкове знакомые работают. Да и не шутит таким никто. Никто.

Я молчал, хотя хотелось орать, хотелось выть, плакать, бросаться вещами. Я словно барахтался в этой боли и страхе, захлестнувших меня с головой, даже не понимая, как это могло произойти.

Супруга Марина, Маришка, с которой мы прожили уже почти девять лет. Та, кому я обещал, что буду с ней всегда,

до самого конца. Та, с кем я стал счастлив и жил счастливо. Дети, Виталик и Танька. Я просто не могу заставить себя вспоминать. Перед глазами проносились картинки нашей прежней счастливой и светлой жизни, жизни, к которой уже нет возврата.

Лодка мягко ткнулась в прибрежные камыши, не вписавшись в один из поворотов. А я так и сидел на своем месте, уставившись в никуда. Хотелось вернуться назад, как-то переиграть все это глупое и мерзкое. Полететь с ними, отговорить от поездки, поменять билеты. Что угодно, лишь бы не сидеть сейчас здесь, задыхаясь от внутренней боли.

Наташа аккуратно, чтобы не перевернуть лодку, переместилась ко мне и обняла. Сейчас она была самым близким мне человеком во всем этом чертовом параллельном мире. Я обнял ее и, наконец, заплакал — некрасиво, навзрыд, тяжело.

Я всплывал, медленно всплывал из глубин своего самого огромного на свете горя к свету реального мира. Говорят, так работает мозг: видя, что владелец близок к состоянию, не похожему на жизнь, он или милостиво перегружает систему, отключая сознание, либо, наоборот, приглушает боль и тащит на поверхность реального мира, заставляя жить, двигаться, действовать дальше вопреки этой жуткой боли, навсегда поселившейся внутри.

Буквально через пару минут мне в голову пришла четкая мысль. А может, и правда, это шутка такая? Или что-то перепутали, или кто-то пишет эсэмэс с подменной номера, развод какой-то. Звонить с чужого номера же могут. Так

и тут, просто обман. Мозг не готов был поверить в случившееся и отрицал увиденное.

Легче мне не стало, но я смог нормально дышать. Решено: пока не придет реального подтверждения, буду считать, что это обман. Сердце неприятно ныло, но я загнал мысль о реальности случившегося подальше и перешел в классическую стадию отрицания.

— Поплыли дальше?

Я оттолкнулся веслом от поросшего рогозом и камышами берега и в несколько гребков вновь вывел лодку на середину Оредежа. В этом месте он все еще узкий и очень живописный. Уже через несколько часов течение станет гораздо слабее, потребуются активнее грести, а река окончательно превратится в широкую, заросшую камышами равнину, где нужный путь находится лишь каким-то внутренним чутьем.

Помню, сколько времени мы провели, тыкаясь на плоту по тупиковым рукавам реки. Но тогда у нас был мотор, сейчас же придется каждую ошибку исправлять собственными руками, а насколько меня хватит, я не знал. Точно не на целый день, работа в офисе не располагает к подвигам с веслами. Увы, от нее только лишний вес прибавляется, и не более того.

— Слушай, а может, это не твоя семья погибла? — вдруг с бухты-барахты сказала Наташа.

Я аж поперхнулся слюной.

— Как это?

— Ну смотри, если вдруг верна твоя идея, что это не наш мир, к которому мы привыкли, то, может быть, это и не твоя семья. Ну, в смысле: это семья этого измерения.

— А сообщения почему тогда мне пришли? В этом мире наверняка есть свой собственный я, они же тогда должны были ему прийти.

— Ты эту теорию сотовой связи расскажи. Твой мобильный появился в местной сети и получил все эсэмэски, что должен. Я не знаю, местный ты тоже их получил или нет, я же не специалист по связи. Ну ты подумай!

И правда, если начать разбираться и принять за данность, что я нахожусь в другом мире, то все становилось гораздо проще. Я испытал странное ощущение, как с утра после приснившегося кошмара начинаешь убеждать себя, что все произошедшее ночью было лишь сном. Подбираешь аргументы, уговариваешь себя, ищешь несоответствия между приснившейся жутью и реальной жизнью. Буквально несколько секунд, проведенных между пережитым ужасом и реальной жизнью, где, конечно, много всего плохого, но уж точно не живут пауки с человеческими головами и бензопилами.

Впереди забрезжил свет, и мой мозг ухватился за эту версию. Я снова убрал весла в лодку. Затем взял мобильник и постарался внимательнее изучить пришедшие сообщения. Судя по отображаемому времени, они все были отправлены сегодня ночью, когда мы дрожали от холода на колокольне. Да, с тех пор телефон нормальной сети моего мира точно не видел.

И тут вдруг как в голову ударило. Марина с детьми вообще не должна была возвращаться сегодня. Я потому на дачу и поехал, что до ее возвращения оставалось целых две недели, это же первый день отпуска. Точно! Тогда откуда эсэмэс? И вообще, что происходит?

С одной стороны, происходящее напоминало бредовый сон, а с другой — это давало надежду на то, что все это не со мной и моя семья на самом деле жива, а все происходящее — лишь странный бредовый сон другого измерения.

Я взялся за весла и погреб с утроенной силой.